сморкаясь в рубаху, — покедя придешь — в дому воды много стекет...

— Не скули... Как дождь осенью, так и это, одна добро.

— Тяжелый в мою шкуру...

Абзац Уснул Григорий перед светом. Аксинья накормила дитя и облокотившись на мигая вглядывалась в мутно черневшие линии Григорьевского лица, встаившиеся от та ночь, когда она уговаривала в своей горнице идти на Кубань; так-же, только мерзу боль, белей затопленной утренней дождем двор за окном, так-же было, а Григорий стал и тот, а не тот. Лежала за ночи длинная протянутая днями стенка...

Григорий повернулся на бок, сказал внятно:

— На хуторе Вешанском... — и смолк. Аксинья пробовала уснуть, но мысли разметавши сон, как при ветре пепел сена. Она гадала о этой бессвязной фразе, подсунувшейся к ней отгадку. Пантелей Прокофьевич проснулся, чуть затеплился на обиневших окнах свет.

— Григорий, вставай, светает.

Аксинья, привстав на колени надела юбку и долго искала спички.

Пока позавтракали и уложились рассвело. Синими перлами играл утренний свет. Четко, резко в снеговлетень и прикрывая неизбыдную сиреневую дымку неба, темнела крыша конюшни.

Пантелей Прокофьевич пошел запрягать. Григорий оторвал от себя истомленно целовавшую его Аксинью и пошел проститься с дедом Сашкой и остальными.

Аксинья закутав ребенка вышла его провожать. Григорий коснулся губами влажного лобика дочери и подошел к коню.

— Садись в сани. — крикнул отец трогая лошадей.

— Не, верхом.

Григорий с рассчитанной медленностью затянул подпруги, садился на коня и разбирал поводья. Аксинья касаясь пальцами его ноги чисто повторяла:

— Гриша, погоди... Что-то хотела сказать... — и морщилась беспомощная, растерянная, дрожащая.

— Ну, прощай. Дитя гляди... посеву, а это батя вот уже.

— Погоди, родимой... — левой рукой хватала Аксинья стремя, правой прижимая завернутого в полу ребенка. И глядела неистово и не было свободной руки, чтобы утереть слезы, падавшие из широко открытых немигающих глаз.

На крыльцо вышел Пантелей.

— Григорий, пан, звет.

Григорий тронул плетью и поскакал с двора. Аксинья бежала за ним следом застревая в сугробах заставивших двор, неловко вскидывая обутыми в валенки ногами.

Григорий догнал отца на грейде. Крепясь оглянулся: Аксинья стояла у ворот прижимая к груди завернутого в полу ребенка и ветер трепал на голых плечах ее концы красного шалевого платка.